

УДК 821.01+821.161.1

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «И НЕНАВИЖУ, И ЛЮБЛЮ» КАТУЛЛА
В СТИХОТВОРЕНИИ В. БРЮСОВА «ДА, МОЖНО ЛЮБИТЬ, НЕНАВИДЯ...»****Е. А. СОНЧИК***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)*

Рассматривается стихотворение римского поэта Катулла (около 87 г. до н. – около 54 г. до н.э.) «И ненавижу, и люблю» в стихотворении русского поэта В. Брюсова (1873–1924) «Да, можно любить, ненавидя...». Отмечаются общие точки соприкосновения в интерпретации В. Брюсовым элегического двустишия Катулла и новаторство русского поэта в восприятии катулловского стихотворения.

М. Гаспаров отмечает, что «Катулл – любимец читателей нового времени, на это звание он может претендовать больше, чем любой другой античный лирик. Время его славы начиналось лет двести назад, до этого ему приходилось делиться читательской любовью с более именитыми классиками, но после того, как предромантики и романтики объявили, что истинная поэзия – там, где непосредственность и страсть, Катулл оказался ближе всего к этому идеалу» [4, с. 66–67].

Катулл вошёл в сознание нового времени как открыватель романтической, духовной любви, впервые нашедший слова этой, врожденной человеческой потребности. Его любимый роман с вероломной светской красавицей Лесбией восстанавливался из стихотворных осколков и обсуждался до мельчайших психологических потребностей. Стихотворения, обращенные к Лесбии, и те, в которых говорится о ней, можно разделить на три группы: счастливая любовь; размолвки и огорчения; окончательный разрыв. Его двустишие о любви-ненависти знали даже те, кто не знал больше ничего из всей латинской поэзии:

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris.
Nescio, sed fieri sentio et excrucior. [1]

Особый интерес представляет собой двустишие из катулловского сборника – 85-ый фрагмент, написанный элегическим дистихом и состоящий всего из четырнадцати слов. Тот вопрос, который адресует лирический герой Катулла самому себе, как бы «повисает в воздухе» и перерастает в риторический вопрос к возлюбленной «Почему я так поступаю, может быть, ты спросишь», на который он совсем не ждет ответа. Если лирический герой Катулла все еще сомневается, и это сомнение присутствует и в его ответе «Я не знаю» и в отсутствии ответа на поставленный им самим же вопрос «... но так чувствую и страдаю». Устанавливая для себя границу пределов любовной страсти, Катулл не наслаждается ее приступом, а страшится любовной страсти, поэтому так резко обрывает рассуждение о нем [7].

В отношении данного двустишия Катулла М.Г. Гаспаров отмечает: «Если бы знаменитое «Ненавижу и люблю» было написано лирическим размером, он повторил бы это «ненавижу и люблю» раза три на разные лады, ничего не добавляя, кроме восклицательных знаков, и стихотворение получилось бы всем, на радость. Но он пишет его дистихом, он не изливает своё чувство, а задумывается над ним – «почему и люблю, и ненавижу?» – он огорчен оттого, что не может этого объяснить в двух строчках [5, с. 175].

В. Брюсов посвящает своё стихотворение «Да, можно любить, ненавидя...» верной подруге, супруге Иоанне Рунт. В лирике В. Брюсова любовь доведена до уровня трагедии, она болезненна, всепоглощающа. Автор сочетает в стихотворении романтическую страсть и строгий классицизм. А параллелизм – ненависти во время любви, придает ему особую пленительность и лирику в повествовании. Композиционная структура произведения состоит из семи строф в виде четверостиший, имеющих двадцать восемь строчек. Эпиграф «Odi et amo», взятый из стихотворения Катулла, точно передаёт суть стихотворения, в котором автор говорит от первого лица. Тот вопрос, который адресует лирический герой Катулла самому себе, как бы «повисает в воздухе» и перерастает в риторический вопрос к возлюбленной «Почему я так поступаю, может быть, ты спросишь», на который он совсем не ждет ответа. Если лирический герой Катулла все еще сомневается, и это сомнение присутствует и в его ответе «Я не знаю», и в отсутствии ответа на поставленный им самим же вопрос «... но так чувствую и страдаю». То лирический герой в стихотворении Брюсова уже точно уверен в своих чувствах и с первой строки отвечает на вопрос Катулла:

Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омрачённой душой,
С последним проклятием видя
Последнее счастье – в одной! [2, с. 37]

Строки в стихотворениях Катулла и Брюсова представляют собой исповедь: два лирических героя рассказывают, зачем им страдать от любви и ненависти к любимой женщине. Катулл противопоставляет два полярных понятия – «ненависть» и «любовь», при этом выбирает для передачи этих разных по значению слов именно глагольную форму, которая позволяет выразить его отношение к возлюбленной в действии. То сомнение, которое он мучительно переживает, не оставляет его в покое, не дает ему никакой надежды на то, что все еще, быть может, вернется. Однако объект его вожделения совершил поступок, не позволяющий ему до конца верить в то, что чувство к ней станет прежним [7].

Лирический герой В. Брюсова в стихотворении признаётся, что сам желает оставаться с объектом, к которому испытывает такие большие чувства, хотя это и причиняет ему страдания. Драматизм действия поэт усиливает при помощи градации «мне страшно», «мне душно», «мне больно», но тут же он признаётся, что эти мучения приносят ему удовольствие:

Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг! [2, с. 37]

М. Гаспаров отмечает, что «античный человек еще не выстроил столько барьеров между стихией и собой, сколько выстроила культура наших дней. Любовь – болезнь, говорил ему вековой опыт; а от болезни умирают или сходят с ума» [4, с. 108]. Устанавливая для себя границу пределов любовной страсти, Катулл в отличие от В. Брюсова не наслаждается ее приступом, а страшится любовной страсти, поэтому так резко обрывает рассуждение о нем.

Повествование в произведении В. Брюсова «Да, можно любить, ненавидя...» посвящается двойной картине любовного чувства, проявляющейся у лирического героя стихотворения в виде невозможности существования без любимого человека, мечтая о постоянных прикосновениях, ласках, и при этом постоянном ощущении чувства ненависти к возлюбленной, поскольку любовь героя достигает высшего пика, затмевая всевозможные мысли и чувства.

Лирический герой В. Брюсова описывает избранницу такими эпитетами – «слишком жестокие губы», «облик и нежный, и грубый», «насмешливый взор». Всё, что связывает лирического героя с избранницей ассоциируется в стихотворении В. Брюсова с кромешной тьмой, непроглядной ночью: «омрачённый», «сумрачный», «во мраке», «чёрной чертой». Поцелуй автор сравнивает с лезвиями кинжала, а про объятия пишет, что они пропитаны ядом страсти. За боль, полученную от этой женщины, лирический герой хочет проклинать, но вместо этого он молит о ласках и говорит о любви:

Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне больно...
Но я повторяю: люблю! [2, с. 37]

В своём стихотворении использует сравнение, с помощью которого автор раскрывает образ лирического героя более ясно, и полно Лирический герой сравнивает себя с героем гомеровской поэмы «Одиссея», он напоминает себе царя Итаки, а коварная возлюбленная выступает в роли Калипсо – нимфы, удерживающей Одиссея против его воли на пустынном острове:

Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.
Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной. [2, с. 37]

Лирический герой В. Брюсова понимает, что из этой любви не выйдет ничего хорошего. Он и сам хочет порвать эту связь, а слова «проклятие», «яд», «горе» к которым он часто обращается, указывают, что он не смирился со своей участью. Последняя строка, усиленная аллитерацией, завершает стихотворение на неопределённой ноте:

О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой! [2, с. 37]

Таким образом, можно сделать вывод, что Катулл и В. Брюсов находятся в схожей ситуации и испытывают одни и те же чувства к своим возлюбленным. И если Катулл сомневается можно ли чувствовать любовь и ненависть одновременно, то Брюсов в своём стихотворении уверен в этом и смело «отвечает» Катуллу на этот вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. C. Valerius Catullus. Poetry. – Mode of access: <http://www.thelatinlibrary.com/catullus.shtml>. – Date of access: 15.07.2020.

2. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений в семи томах: художественная литература. Т. 1. Стихотворения. 1892 – 1909. – М.: Директ_Медиа, 2014. – 612 с.
3. Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подг. С. Шервинский, М. Гаспаров; отв. ред. М. Гаспаров. – М.: Наука, 1986. – 304 с. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1449001000#84>. Дата доступа: 15.01.2017.
4. Гаспаров, М.Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – 480 с.
5. Гаспаров, М.Л. Поэзия Катулла / М.Л. Гаспаров // Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. – М.: Наука, 1986. – С. 155–207.
6. Катулл. Тибулл. Проперций / Катулл. Тибулл. Проперций. – М.: Худ. лит., 1963. – 512 с.
7. Нестер, Н.В. Наследие Катулла в творчестве Э. Паунда / Н.В. Нестер. – Режим доступа: http://elib.psu.by:8080/bitstream/123456789/20155/1/%d0%9d%d0%b5%d1%81%d1%82%d0%b5%d1%80_2017-2.pdf. – Дата доступа: 24.07.2020.